

НЕИЗДААННЫЕ ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Сообщение И. Айзенштока

В статье «Судьба литературного наследства Т. Г. Шевченко» автор настоящей заметки останавливался на публикациях писем поэта, отметив между прочим ограниченность эпистолярного наследия Шевченко и причины этой ограниченности, сделавшие мало вероятными новые сколько-нибудь значительные приобретения в этой области. Действительно, за последние 10—15 лет опубликовано не более двух десятков писем Шевченко, из которых в сущности только письма к С. Т. Аксакову (Н. К. Гудзий «Письма Шевченко к С. Т. Аксакову» — «Искусство» 1928, кн. 1—2) представляют подлинный исследовательский интерес. Тем большее значение приобретают находящиеся в Государственном Литературном Музее и публикуемые дальше два письма и один конверт от недошедшего третьего — к некоему Филиппу Николаевичу Королеву. Письма эти поступили в Музей от наследников А. Н. Пыпина; более ранней судьбы их проследить не удалось, как не удалось обнаружить и каких-либо сведений об адресате писем. Последнее обстоятельство, впрочем, существенной роли не играет, так как содержание писем теснейшим образом связано исключительно с самим Шевченко; отдельные же упоминания об адресате и об общих знакомых расширяваются без всякого труда.

Вот эти письма (с сохранением орфографии оригинала).

I

СПБ, 23 мая 1842.

До Королева.

Спасыби тобі, добрый чоловиче, за ласкаве слово, за гроши, и за Старину Запорозьку. Спасыби и тилько шо спасыби, и бильшенничого я не маю. Приймай, не гниваючись, Гайдамаки, а на Кобзари выбач. Нема ни одного. Як надрюкую вдруге, то пришлю не один экз. з дякою. Шлю вам 6-ть экз. Гайдамаки—и семый вам на память, не забувайте [и] мене, колы маете чим поминать.

Лежу оце пяти сутки та читаю Старину, добра кныжка, спасыби вам и Срезневскому. Я думаю дещо з неї зробить, колы здоров буду, там бачите е де чого такого, шо аж губы облизуешь, спасыби вам.— Напиши, будь ласкав, земляче, колы будеш мать час, як там у вас, у Харькови, привиталы мои Гайдамаки, чи лають, чи ни, напиши щиру правду, и за щиру правду скаже щире спасыби Т. Шевченко.

II

Ноября 18—1842.

Спасыби тобі, мій голубе, шо хоч ты мене не забуваш. Прочитав я твое ласкаве письмо тилько позавчора, бо позавчора вернувся в Петербург,—мене носыв проклятуцій пароход у Шведчину и Датчину. Плывше в Стокгольм я скомпонував Гамалія, невеличку поему. Та так занедужив, шо ледви привезлы мене в Ревель, там трошки очуняв, прыхав у це прокляте болото, та й не знаю, чи вже й выйду. Хоч ликар и говорить, шо ничево, одначе так кивне головою, шо аж сумно дывиця. Сегодни оце трошки легше стало, можно хоч перо в руках удержать.

А, лебедыку, як не хочиця кидать землю, хоч вона й погана! а треба буде, хоч воно ще й рано. Молю тилько милосердного бога, шоб помиг мыни весны диждаты, шоб хоч умерты на Украини.

Заставили мене злыдни продать свои компонованья, вси, и дрюковани, и не дрюковани. Як побачите Корсуна, то скажить ему, шо Марьяна продана, колы дрюкуе вин тепер, то нехай, а колы ни, то шоб и не зачинав. Бо с перших чисел Декабря купець зачинае дрюковать. Хоч бы бог привив подывиця на свои слёзы, до купы зибрани. Поклониця старому Грицькови, як побачите И Петрови Гулаку. Скажить Грицькови, шо я змалював его панну Сотныкивну, и може на цим тыжни пошлю ему, як здужатыму письмо написать. Не забувайте мене, будьте ласкави. Напишити, колы матемете час, швиденько до мене, бо вже спив року, як нычуя ничего из ридной моеи Украины, може вже и никола не почую. Прокляте море, шо воно мыни наробило.

Бувайте здоровы, не забувайте мене.

Щирий ваш Т. Шевченко.

Поклониця, будьте ласкави, — Метлинскому. Спасеть его бог за его Думки и ще дещо; тиль[ки] и полегкости, шо воны.

III

[Конверт]:

Его Высокоблагородію Филиппу Ныколаевичу Королеву
Профвесору Грігорістского Иситуа в Местечке Горки Могилев-
ской Губерніи

[Почт. шт.: Ахтырка, Харьковск. губ. Августа 14, 1846].

Ценность публикуемых писем начинается с того, что они относятся к началу сороковых годов: эпистолярное наследие Шевченко до ссылки сохранилось лишь в самой незначительной степени; в частности за 1842 г. мы имели только 2 письма. Но и кроме того письма наши сообщают ряд любопытных фактов биографии и творческой работы Шевченко.

В особенности неожиданен, даже „сенсационен“ сообщаемый Шевченко в письме 18 ноября факт морской поездки в Швецию и Данию; до сих пор об этой поездке не было известно даже намеком, хотя намерение ехать за границу Шевченко лелеял в продолжение всего своего академического учения. Так, 19 февраля 1841 г. он писал Г. Ф. Квитке: „я Академію нешвыдче покину як через два годи. Через два годи як прочитаєте в якім-небудь журналі — шо якійсь то Шевченко намалював картину дуже до ладу! а за таке малювання Академія його (мене б то) посилає в Італію, в самий Рим. Весело, батьку, дуже весело!“ Затем уже в в феврале 1843 г., Шевченко сообщает Я. К. Кухаренко: „Я в марті місяці їду за-границю, а в Малоросію не поїду, цур їй, бо там окрім плачу нічого не почую“. Однако еще и 28 декабря 1843 г., в письме к В. И. Григоровичу, Шевченко говорит лишь о п р е д п о л о ж е н и и ехать за границу. Таким образом данные переписки поэта как будто свидетельствуют о том, что в течение трех лет слишком мечта о заграничной поездке оставалась неосуществленной, и что упоминание о морском путешествии в письме к Королеву есть основание считать дружеской мистификацией, которой аналогии можно найти в переписке Шевченко (например возвращаясь из ссылки, томясь морально и бедствуя материально в Нижнем Новгороде, он, 12 ноября 1857 г., пишет коменданту Ново-Петровского укрепления, где отбывал ссылку: „Мне здесь пока хорошо. Ниже городская аристократия принимает меня радушно и за работу платит, не торгуясь 25 рублей серебром за портрет, нарисованный карандашем. Деньги у меня есть. Костюм себе построил первого сорта, начиная с голландского белья, и в добавок запустил бороду, настоящее помело. Теперь мне только не достаёт століцы, а то все слава бсгу, имею, начиная с здоровья“).

Думается, однако, к сообщению Шевченко можно и следует отнестись с полной серьезностью и доверием и первоначальные соображения о мистификации значительно ослабить. Во-первых, в данном случае повидимому отсутствует внешний повод для мистификации, для хвастовства, какой, например, имел место в цитированном письме к коменданту И. А. Ускову: там Шевченко сознательно писал совершенно противоположное тому, что было с ним в действительности, стремясь подчеркнуть в глазах своего корреспондента разницу между своим положением ссыльного солдата и «свободного» художника и поэта. Кроме того приводимые из переписки Шевченко цитаты о предполагаемой поездке, если вчитаться в них, далеко не однородны: если в письме к Г. Ф. Квитке эта поездка рисуется лишь как очень отдаленная мечта, то в двух других письмах единственным препятствием к осуществлению этой мечты оказывается отсутствие денег, при чем служебное положение адресата второго письма, В. И. Григоровича, конференц-секретаря Академии Художеств, совершенно исключает какую бы то ни было мысль о мистификации. Таким образом в 1843 г. вопрос о заграничной поездке для Шевченко стоял вполне реально; можно высказать предположение, что готовясь к длительному заграничному путешествию, Шевченко, не дождавшись оформления соответственных документов, рискнул контрабандой проехать на судне, совершающем рейсы между портами Балтийского моря; поездка, как явствует из письма, была прервана болезнью поэта, не позволившей ему познакомиться с теми местами, куда заходило судно. Это обстоятельство вместе с опасением суровой административной кары за незаконную поездку явилось причиной того, что Шевченко молчал о последней и обмолвился о ней лишь в случайном письме к случайному провинциальному знакомому. Несмотря на всю голословность этого нашего предположения, нуждающегося в документальных подтверждениях, оно оказывается вполне возможным не только так сказать психологически, но и хронологически: поездка эта полностью укладывается в промежуток полутора месяца — между известным уже раньше письмом Шевченко к Я. Г. Кухаренко, 30 сентября 1842 г. и публикуемым нами письмом к Ф. Н. Королеву, 18 ноября 1842 г. Как раз эти полутора месяца до сих пор в хронологической канве Шевченко оставались незаполненными.

Не противоречит нашему предположению о действительности заграничного рейса Шевченко и приурочение к этому времени поэмы «Гамалия», рисующей в тонах казацкой националистической романтики, владевшей в то время поэтом, один из запорожских набегов на Константинополь. До сих пор поэма, напечатанная отдельным изданием в 1844 г. датировалась весьма приблизительно: концом 1842 — началом 1843 г. На основании письма к Королеву мы можем установить более точную дату — октябрь 1842 г. — и кроме того установить источник поэмы: «Запорожскую Старину».

«Запорожская Старина» (Харьков, 1833—1836, 6 выпусков), «собрание запорожских песен и дум», а также старинных казацких летописей, по заявлению самого составителя, И. И. Срезневского, имела в виду «оказать услугу... не одним любителям народной поэзии, но преимущественно любопытствующим знать старину запорожскую, — быт, нравы, обычаи, подвиги этого народа воинов». Сообщая массу нового и свежего материала (по сравнению с предшествовавшими сборниками кн. Н. А. Цертелева, М. А. Максимовича и др.), хотя и подавая его в традиционном дворянско-казацком националистическом освещении, «Запорожская Старина» пользовалась у современников громадным успехом. «Где вы выкопали столько сокровищ? — спрашивал Срезневского Н. В. Гоголь в письме 6 марта 1843 г. — Все думы и особенно повести бандуристов ослепительно хороши! Из них только 5 были известны мне прежде, а прочие для меня новы!» Лишь с течением времени, по мере того, как увеличивалось количество фольклорных записей и уточнялись методы записывания все чаще стали раздаваться голоса сомнения в подлинности и добросовестности ряда текстов «Запорожской Старины» (см. например М. Драгоманов и В. Антонович «Исторические песни малорусского народа», Киев, 1875, т. I, стр. XVIII—XXXII; Н. Костомаров. «Историческая поэзия и новые ее материалы» — «Вестник Европы» 1874, № 12, стр. 573—629): «Українські народні думи», т. I, 1927, стр. XXXVI—XXXIX). «Много вреда, — писал Костомаров в одном частном письме, затрагивая вопрос острее и категоричнее, нежели в печатных высказываниях, — наделал

Ноябрь 19-1842.

Спасибо тебе мой голубчик за то что ты
меня всегда уважаешь. прости же
твою слабость писано только по
запискам, во познании верую без
непогрешно, тебе писал про
турини павлаков, ушведичев
и дзюков. павлаков в столице
и описание Литании не великую
новину. Ты за небольшое то много
привел меня в февраль, такой
грозный очень приман уже про-
клятие божия, та и надпись на вене
и вину. Кто много и забывает
то ничего, однако стать никогда не
во то как судно забывает, скажи
уже трое много то много
уже тебе в руках удержать.
А небольшая да не дожить никогда
даже кто до то пока. А тебе
будет кто важно радо. много
много милосердие бога то
пока, много всегда даже то
Шай кто умереть на Урешине.

ПИСЬМО Т. Г. ШЕВЧЕНКО К Ф. Н. КОРОЛЕВУ ОТ 18 НОЯБРЯ 1842 Г
ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Государственный Литературный Музей, Москва

[illegible]

Мурманск. Восток

малорусской истории и этнографии этот человек... [т. е. Срезневский. — И. А.]. Он, конечно, сам сознает грех свой и удаляется не только от повторения его, но даже избегает разговоров и упоминаний о «Запорожской Старине», однако мужества и честности у него нехватает, чтобы решиться, во имя истины, публично сознаться в том, что все, выдававшееся им за историческую и этнографическую правду, была ложь! И несколько дальше: «Срезневский не только исцатал фальшивые стихи, выдавая их за народные песни и думы, но даже подставлял и сообщал фальшивые летописные сказания... А что касается до песен, то Максимович был так оболещен Срезневским и перепечатывал из «Запорожской Старины» песни и думы в свой сборник, хотя, незадолго перед смертью, бывши в Петербурге, сознавал, что был тогда бессовестно обманут. И Гоголь верил в народность этих дум и песен и черпал из них знакомство с народным духом» («Русский Архив» 1890, № 10, стр. 218—219). К числу лиц, обманутых «народностью» «Запорожской Старины», теперь необходимо причислить и Шевченко.

Предположительно на возможность использования „Запорожской Старины“ поэтом в своей творческой практике сравнительно недавно указывали Б. А. Навроцкий („Козацькі морські експедиції в поезії Т. Шевченка — Інститут Тараса Шевченка. Шевченківський другий, 1930, стр. 70—85“) и П. И. Тиховский („Іван Підкова“, дума про „Татарський похід Серпіги“ та епізод із „Сави Чалого“ М. І. Костомарова — там же, стр. 86—92). Но первый исследователь в результате весьма велеречивого и многоцитатного „анализа“ все использование Шевченко „Запорожской Старины“ свел к заимствованию из нее имени Ивана Подковы, „установив“ вместо того, иной „источник“ вдохновения поэта — романы польского романтика-националиста А. Чайковского. И кроме того оба исследователя, уделяя преимущественное внимание поэме Шевченко „Іван Підкова“, о „Гамалі“ говорят лишь бегло и без обычного для них арсенала учености. Между тем в настоящее время после публикуемых нами писем можно считать установленным, что „Іван Підкова“, написанный в 1839 г., не мог отразить следов чтения „Запорожской Старины“, и наоборот, именно для „Гамалі“ влияние „Запорожской Старины“ может считаться теперь совершенно установленным. Влияние это приходится отмечать не в отдельных текстуальных сближениях и сопоставлениях, но, еще в большей мере, в том настроении казацкой националистической романтики, которое в то время владело молодым поэтом и которое было подогрето чтением „Запорожской Старины“. Однако очень существенно отметить, что по верному замечанию современного комментатора „Кобзаря“, „молодой поэт-крепостной Шевченко... и в данном произведении обнаруживал стихийное вожделение закрепощенных масс, их горячее стремление освободиться из ярма „злой неволи“ дворянско-помещичьего самодержавия“ (Поезія Т. Г. Шевченко. Під редакцією А. А. Хвилі і Є. С. Шаблювського. Харків, 1934. стр. 119).

Нуждаются в расшифровке передаваемые во втором письме приветы, вводящие нас в круг тогдашних украинских литературных отношений Шевченко. „Старый Грицько“ — Григорий Федорович Квитка (Грицько Основьяненко), Петро Гулак — Петр Петрович Гулак-Артемовский, Метлинский — Амвросий Лукьянович, автор сборника стихотворений „Думки і пісні та ще дещо“ (Харьков, 1839), о котором также упоминается в письме. Мы уже отмечали заботливое стремление буржуазных историков литературы установить „единый поток“ развития украинской литературы и тесно связать поэта-революционера и бунтаря Шевченко с предшествовавшей дворянско-помещичьей литературой и отдельными ее представителями (см. выше в статье „Судьба литературного наследства Шевченко“), на всю беспомощность и неленость этих попыток. Знакомство (заочное) с Квиткою, Гулаком-Артемовским, Метлинским, интерес, проявляемый молодым постром-крепостным к творчеству поэтов-дворян и помещиков, отнюдь не препятствовало ему весьма трезво, со здравым классовым смыслом оценивать их творчество. В 1846 г., в предисловии к задуманному сборничку своих поэм, Шевченко писал о Квитке и Гулаке: „Покійний Основ'яненко дуже добре приглядався на народ та не прислухався до язика, бо може не чув у колісці од матері, а Гулак-Артемовський хотів чув, так забув, бо в пани постригся. Горі нам! Безуміє нас обуяло отим мерзеними богу противним панством“.

Упоминаемая в письме 18 ноября „панна Сотниківна“ — очевидно, недошедшая до нас иллюстрация Шевченко к повести Г. Ф. Квитки „Панна Сотниковна“. Об этом замысле Шевченко неоднократно упоминает в своих письмах к Квитке, обещая ему нарисовать „панну Сотниківну як вона, богобоязлива, сидя у вікна, оран лагодить“ (19 февраля 1841 г.) сообщал позднее о том, что работа уже начата: „Малюю вашу панну Сотниківну. Хотів кончить до різдвя та й не знаю, бо тут тепер ні день, ні ніч — так, чорт-зна що: прокинешся рано, тільки що заходиться малювати, дивився вже й ніч“ (8 декабря 1841 г.)

К литературным знакомствам Шевченко следует отнести и упоминаемого в письме 18 ноября — Корсуна, Александра Алексеевича, поэта и издателя альманаха „Сніп“ (Харьков, 1841), для проектированного второго выпуска которого Шевченко прислал поэму „Черниця-Мар'яна“ и стихотворение „Човен“ (см. об этом в воспоминаниях Корсуна — „Русский Архив“ 1890, № 10). Издание это в свое время не осуществилось и поэма в течение ряда десятилетий пролежала под спудом, сперва у самого Корсуна, затем у его наследников, пока не была опубликована по автографу, поступившему вместе со всем архивом Корсуна в Пушкинский Дом, М. М. Новицким („Записки Историко-Филологического Виддиду УАН“, кн. IV, 1924).

Заслуживают внимания также упоминания в публикуемых письмах относительно издательских дел Шевченко. Поэма „Гайдамаки“ (СПБ., 1841) была издана самим поэтом: предполагалось осуществить предварительную подписку на книгу, однако подписка далеко не покрыла всех расходов и не оправдала материальных расчетов автора, заинтересованного в скорейшей ликвидации своего предприятия еще и из опасения, чтобы цензура не конфисковала книгу. 26 марта 1842 г. Шевченко писал по этому поводу Г. С. Тарновскому — „Было мне с ними годя, насилу выпустил цензурный комитет: возмутительно да и конечно. Насилу кое-как я их уверил, что я не бунтовщик. Теперь спешу разослать, чтобы не спохватились“. Действительно, только случайностью можно объяснить то обстоятельство, что „Гайдамаки“, поэма о кровавой расправе восставших крестьян с помещиками-угнетателями (так наз. Колывищина, восстание 1768 г.), хотя и обвешанная еще национально-романтическими настроениями, но насквозь проникнутая неизбывною классово-ненавистью вчерашнего крепостного к панам, поработителям миллионов закрепощенного крестьянства, увидела в конце концов свет. Уже после первого своего письма к Королеву, Шевченко получил восторженный отзыв о „Гайдамаках“ от Квитки и Гулака-Артемовского. „Ну, вже так що порадовали ви нас своїми Гайдамаками! — писал Квитка (29 апреля 1842 г.). — Як кажу: читаєш, та і облизуєшся. Як раз к великодню прислали ви нам сюю писанку; а я зараз і розіслав по рукам. Пан Артемовський аж підскакує, та хвалить“. Однако уже несколько лет спустя, П. Кулиш упрекал Шевченко в „чрезмерной жестокости“ „Гайдамаков“, требуя, якобы во имя „художественной правды“, нивелирования, ослабления того бунтарства, того противопанского духа, который даже и после цензурных упражнений бил из поэмы. „Дайте побольше человечества вашим „Гайдамакам“, — взывал он в письме к Шевченко и, в подкрепление своего требования, ссылаясь на Шекспира, у которого „одно лицо в слепоте зверской ярости проливает кровь своих врагов, а другое говорит голосом человечества; иногда то же самое лицо содрогается, и тем доказывает истину, что человеческое начало никогда не подавляется зверским“ (письмо 25 июля 1846).

Последний момент, на котором следует остановиться, комментируя письма Шевченко к Королеву — это сообщение о продаже, в тяжелую минуту, всех своих произведений, настоящих и будущих. Сохранившееся условие Шевченко с книгопродавцем И. Т. Лисенковым было оформлено несколько позднее, 8 февраля 1843 г., но касалось только двух книг: „Кобзаря“ и „Гайдамаков“, которые „ни я сам, Шевченко, ни даже никто из моих наследников... печатать права не имеет“. Осуществляя свои права, Лисенков выпустил второе издание „Кобзаря“ под заголовком: „Чигиринский кобзарь и Гайдамаки. Две поэмы на малороссийском языке Т. Шевченко. Новое издание“ (СПБ., 1844); впоследствии, в 60-х годах, Лисенков выступил в суде с доказательством своих исключительных и преимущественных прав на публикацию литературного наследства Шевченко, но суд в иске ему отказал.